

Глава тридцать пятая. Интрига в интриге: кто ведёт игру?

Отъезд Дайюй в столицу привлёк к себе немало взоров. И если прочие лишь безучастно наблюдали со стороны, то Сяо Чжиюань места себе не находил. Разумеется, он понимал: нынешняя Дайюй едва ли позволит кому-то себя обидеть. И всё же тревога не отпускала его. Что, если её сумеет одурачить этот столичный баловень со своим никчёмным булыжником на шее?

Сыту Юй с нескрываемым раздражением наблюдал за этими бесцельными метаниями: от одного вида изнывающего от беспокойства друга у него невольно подёргивались уголки губ. Ну как столь рассудительный и одарённый юноша умудрялся терять всякое самообладание, стоило речи зайти о сестрице Дайюй? Слово забыл, что при ней безотлучно находятся опытные наставницы — женщины решительные, преданные и уж точно не привыкшие потакать чужим глупостям. Да и сама Юй-эр далеко не глупа. Нельзя сказать, что Сыту Юй не беспокоился о кузине, просто суэта Чжиюаня казалась ему чрезмерной, если не сказать смехотворной.

— Тебе самому не надоело мельтешить? — не выдержав, прямо спросил Сыту Юй. — Если случится что-то важное, матушка Лю и остальные слуги сразу же дадут знать. К чему эти пустые терзания?

Чжиюань хмуро взглянул на него и покачал головой:

— Ты слишком долго отсутствовал в столице и не представляешь, какие вопиющие порядки царят в доме Цзя. Их драгоценный баловень, этот изнеженный мальчишка, давно вошёл в возраст, но до сих пор живёт на женской половине усадьбы! Только и делает, что увивается за девицами. Кто знает, как он станет докучать сестрице Юй-эр?

Сыту Юй усмехнулся, наконец-то разгадав причину его терзаний. Так вот что не давало Чжиюаню покоя!

Однако улыбка быстро сошла с его лица, уступив место серьёзности. Принц посмотрел на него пронзительно и глубоко.

— Чжиюань, мы с тобой дружим не первый день, — медленно произнёс он. — И потому я скажу тебе прямо, а уж прислушаешься ты ко мне или нет — твоё дело. Наша сестрица Юй-эр умна, чиста душой и необычайно мила, спору нет. Очароваться ею немудрено. Но вы с ней не пара. Ты прекрасно знаешь, к какой цели стремишься. А на двух стульях, как известно, не усидеть. Подумай об этом хорошенько, пока не поздно.

Чжиюань замер. Слова друга попали в самую цель: от некоторых истин не сбежать, как ни пытайся. Он давно перерос беззаботное отрочество. За последние два года, проведённых в рядах армии Сюаньлин, он узнал и повидал больше, чем за всю прошлую жизнь. Каким бы суровым ни был его отец, Чжиюань оставался старшим сыном и законным наследником маркиза Тунъань, на чьих плечах лежал груз ответственности за весь род.

Сыту Жуй, его наставник, никогда не отличался мягкостью. Пройдя через суровую закалку железом и кровью, Чжюань воочию увидел, на чём зиждется подлинное могущество Поднебесной. Испытания не пугали его, однако выбранный путь требовал жертв. Он ни в коем случае не принижал достоинств Дайюй — напротив, слишком хорошо понимал, что эта хрупкая, возвышенная девушка заслуживает безмятежного счастья и лучшей доли, нежели судьба жены вечно воюющего полководца.

Юноша прикрыл глаза. Когда он снова открыл глаза, он смотрел с непоколебимой решимостью.

— Не беспокойтесь, Ваше Высочество. Мои устремления остались прежними. И я надеюсь, что вы столь же тверды в своих помыслах.

Сыту Юй тяжело вздохнул, и в этом вздохе смешались облегчение и едва уловимая горечь сожаления.

— Оставим пока дела сестрицы Юй-эр, — переменял тему принц. — Ты уже довольно долго находишься в лагере армии Сюаньлин. Заметил ли что-нибудь необычное за это время?

Чжюань недоуменно взглянул на Сыту Юя:

— Что именно вы имеете в виду, Ваше Высочество?

Одного взгляда на растерянное лицо друга Сыту Юю хватило, чтобы понять: тот истолковал его расспросы превратно.

Сыту Юй тихонько постучал пальцами по столу, не сводя с Чжюаня пристального взгляда:

— Неужели тебе это не кажется странным? Мой дядя, великий князь, ухитрился столько времени тайно оставаться в Янчжоу, не привлекая лишнего внимания. Его влияние и возможности превосходят всё, что мы можем себе вообразить. Но посуди сам: сначала сокрушительное наводнение в низовьях Янцзы, затем череда доносов от Генерал-губернатора русел рек и семейства Чжэнь... И всё это бьёт прямо по господину Линю. А дядя меж тем и пальцем не пошевелил, чтобы защитить его. Тебя это ни на какие мысли не наводит?

Чжюань давно перерос былую наивность. Сопоставив эти слова с подозрительным затишьем, воцарившимся в залах императорского дворца, и вспомнив о жалобах, которые государь до поры до времени упрямо складывал под сукно, он почувствовал, как по спине пробежал ледяной пот. Но разве такое возможно? Ведь преданность и забота, с которыми наставник относился к дяде Линю, никак не могли быть притворством!

— Ваше Высочество, вам что-то известно? — спросил он, и его голос звучал сухо.

Сыту Юй с сожалением покачал головой:

— Людей, на которых я могу опереться, пока слишком мало, так что разузнать толком ничего не удалось. Однако здесь кроется один важнейший вопрос: чьей марионеткой на самом деле является Чжао Кунь, Генерал-губернатор русел рек?

Чжюань и Сыту Юй обменялись красноречивыми взглядами. Каждый из них погрузился в собственные невесёлые думы.

За тысячу ли от столицы, в южном Янчжоу, кое-кто тоже задавался этим вопросом: чьи интересы представляет Чжао Кунь?

Разгул стихии в низовьях реки наконец-то утих, и теперь властям оставалось лишь раздавать милостыню пострадавшим да умирять волнения среди оставшегося без крова люда. Император направил в Янчжоу сопровождающего министра Министерства доходов в качестве чрезвычайного посланника. Помимо раздачи хлеба, ему поручалось досконально проверить благонадёжность местных чиновников — недаром в его свите ехали судебские крючки из Министерства наказаний.

Линь Хай задумчиво созерцал неровное пламя свечи. Сопоставляя события последних недель, он чувствовал смутную, но настойчивую тревогу. Государь, великий князь Чжунчэн, могущественное семейство Чжэнь, ведомство русел рек и, наконец, сам Сыту Жуй... Все они оказались впутаны в невидимую паутину. Но чья рука столь расчётливо расставляла фигуры на этой доске?

Возможно, он с самого начала заблуждался. Столь тонкая, многоходовая интрига была явно не под силу семейству Чжэнь — иначе они не сидели бы смирно на юге столько лет под его неусыпным надзором. Тогда, может, нити тянулись к великому князю Чжунчэну? Линь Хай покачал головой. Обладай тот подобным умом и хваткой, он никогда не оказался бы в своём нынешнем, весьма двусмысленном положении при дворе.

Едва слышный шорох заставил Линь Хая очнуться от раздумий. Он поднял взгляд и увидел, как бесшумно отворилась дверь, впуская ночного гостя, чьё появление было вполне ожидаемым.

— Почему ты не спишь в такой поздний час? — с мягкой укоризной спросил вошедший.

Линь Хай, глядя на обеспокоенное лицо мужчины, негромко рассмеялся:

— А сам-то? Почему до сих пор на ногах?

Сыту Жуй подошёл ближе и опустился на сиденье рядом с ним.

— Не пытайся уйти от ответа. Если бы ты почивал как положено, разве я стал бы бодрствовать до полуночи?

С этими словами он мягко, но настойчиво забрал из рук Линь Хая бумаги и отложил их на край стола.

— Ты только-только оправился от недуга, а уже изнуряешь себя работой. Представь, как бы расстроилась наша Юй-эр, увидь она тебя в таком состоянии. О моём спокойствии ты не печёшься, так пожалей хотя бы дочь.

Линь Хай неловко коснулся переносицы, чувствуя себя виноватым. Несколько дней назад он опрометчиво вышел под проливной дождь и подхватил простуду. К счастью, обошлось без лихорадки, однако Сыту Жуй вот уже который день ходил мрачнее тучи и при каждом удобном случае принимался ворчать. Забота великого князя была искренней, но порой казалась Линь Хая чрезмерной.

При упоминании о дочери на сердце Линь Хая вновь набежала грусть.

— Как она там, в поместье Жунго? Поди, чувствует себя чужой среди дальних родственников. В письмах Юй-эр не жалуется, пишет сдержанно, но между строк ясно читается тоска по дому.

Сыту Жуй усмехнулся, изогнув бровь:

— Я с самого начала твердил тебе, что не стоит отпускать девочку в столицу. Ты упрямылся, а теперь сам же локти кусаешь.

Линь Хай покачал головой и слабо улыбнулся:

— О каком упрямстве речь? Если бы мы держали её подле себя, вы бы её окончательно разбаловали. Юй-эр нужно было повидать свет, научиться разбираться в людях. К тому же с ней поехали умудрённые опытом матушки, так что беспокоиться не о чем.

Сыту Жуй лишь покачал головой, не поверив ни единому слову. Уж кто-кто, а сам Линь Хай потакал капризам дочери больше всех прочих, вместе взятых. Впрочем, великий князь благоразумно промолчал, зная, сколь щепетилен его возлюбленный в подобных вопросах. Да и к чему спорить? Сейчас, когда Юй-эр уехала в столицу, Сыту Жуй мог гораздо чаще оставаться на ночь в поместье Линь. Конечно, порой его забавляла мысль, что великому князю Поднебесной приходится радоваться столь скромным победам, но ради этих мгновений он был готов на всё.

Глядя на сидящего перед ним утончённого, благородного мужчину, Сыту Жуй понимал, что обрёл своё истинное прибежище.

Линь Хай помахал ладонью перед его лицом, пытаясь отвлечь от глубоких дум, но великий князь внезапно перехватил его тонкие пальцы и крепко сжал в своих ладонях.

— Жухай, когда всё это закончится, подай в отставку, — негромко, но горячо заговорил он. — Я тоже откажусь от командования армией. Мы уедем подальше от суеты, построим тихую усадьбу за городом и станем жить в своё удовольствие, позабыв о дворцовых дрызгах. Что скажешь?

В глазах Линь Хая блеснула тёплая искра. Он мягко высвободил руку и усмехнулся:

— Опять ты за своё. Если мы сбежим от мира, как же наша Юй-эр? Оставим её одну?

Сыту Жуй виновато улыбнулся:

— И то верно, запоматывал. Что ж, тогда подождём, пока выдадим нашу красавицу замуж.

Линь Хай лишь покачал головой на эти речи и поднялся со стула:

— Полно пустословить. Время позднее, пора спать.

Сыту Жуй поднялся следом, он довольно улыбнулся:

— Твоя правда. Идём отдыхать.

На следующий день в поместье прибыл сопровождающий министр Министерства доходов Сяо Юэ. Линь Хай лично вышел встретить гостя. Хотя чин гостя равнялся третьему рангу и не превышал положение самого Линь Хая, столичные сановники традиционно держались с превосходством перед провинциальными чиновниками. К тому же Сяо Юэ прибыл как чрезвычайный посланник императора, и ссориться с ним без крайней нужды не следовало. Однако с первых же минут общения стало ясно: новоприбывший вельможа настроен по отношению к хозяину дома крайне недружелюбно.

Линь Хай, умудрённый годами государственной службы, не привык терпеть чужую спесь. Раз уж столичный гость не посчитал нужным проявить уважение, то и хозяин не собирался расточать перед ним любезности.

Сяо Юэ небрежно пригубил чай и с притворным восхищением произнёс:

— Господин Линь, благодаря высочайшей милости Его Величества вы столь одиночно

управляете соляной монополией Цзяннани. Ваши таланты воистину безграничны. Пожалуй, скоро во всех южных провинциях не останется никого, кто посмел бы перечить вашему слову?

Линь Хай слегка нахмурился, но ответил ровным, ледяным тоном:

— Куда мне до вас, господин Сяо. Вы прибыли сюда как посланник самого Сына Неба, за вашей спиной — воля государя. Стало быть, кому казнить, а кого миловать на этих землях — решать лишь вам. Разве могут скромные чиновники вроде меня сравниться с полномочиями чрезвычайного посланника? Уверен, Его Величество по достоинству оценит ваше рвение. Впрочем, глядя на вашу суровость, посторонний человек мог бы подумать, будто вы явились сюда совершить арест. Позвольте узнать, есть ли у вас на то соответствующий указ?

Сяо Юэ гневно посмотрел на него:

— Смело говорите, господин Линь. Что ж, посмотрим, сохраните ли вы это хладнокровие, когда наступит день расплаты!

Линь Хай остался совершенно невозмутим:

— Вы сгущаете краски, господин Сяо. Я служу Его Величеству и свято верю в мудрость нашего государя. Он сумеет отделить зёрна от плевел. Что же касается презренных клеветников, плетущих интриги за чужими спинами, их век всегда недолог. Не находите, господин Сяо?

Стоило разгневанному посланнику покинуть поместье, как лицо Линь Хая помрачнело. Сяо Юэ никогда прежде не блистал при дворе особыми талантами, однако умудрился занять столь высокую должность, едва достигнув сорока лет. Очевидно, что за его спиной стоял могущественный покровитель.

Будь покровителем Сяо Юэ великий князь Чжунчэн или любой другой из явных политических противников, Линь Хай не стал бы так тревожиться. В конце концов, на государственной службе невозможно нравиться всем; напротив, всеобщее одобрение — верный признак скорой гибели всего клана.

Однако, проглядывая в памяти послужной список гостя, Линь Хай с горькой усмешкой отметил одну любопытную деталь. Во время давнего похода князя Жуя этот человек сопровождал армию в качестве скромного писца, но сумел снискать исключительное расположение военных чинов, после чего его карьера стремительно пошла в гору.

Линь Хай глубоко вздохнул, заставляя себя успокоиться. Что бы ни готовила ему судьба, он должен выстоять. Ведь в далёкой столице его возвращения ждёт Юй-эр.

Тем временем Сяо Юэ в ярости покинул поместье Линь. Прежде чем сесть в паланкин, он обернулся и смерил тяжёлым, неприязненным взглядом парадные ворота усадьбы. Он зловеще

усмехнулся. Опустив шёлковую занавеску, он приказал трогаться.

Пока паланкин мерно покачивался, Сяо Юэ лихорадочно соображал, как подкопаться под Линь Хая и добыть неопровержимые улики его вины. Вдруг носильщики резко оступились. Паланкин накренился, и министр едва не вылетел со своего сиденья.

— Что происходит?! — гневно прикрикнул он.

Снаружи донёлся испуганный голос слуги:

— Простите великодушно, господин! Один из нас оступился о проклятый булыжник.

Сяо Юэ недовольно поморщился:

— Смотрите под ноги. Ступайте дальше.

Носильщики вновь подняли шесты, но Сяо Юэ даже не догадывался, что его паланкин теперь несут совсем другие люди. Вся его столичная охрана и слуги лежали без сознания в ближайшем переулке, связанные по рукам и ногам.

Паланкин свернул с оживлённого тракта в безлюдный заброшенный квартал и вскоре остановился перед неприметными воротами глухого двора.

Сяо Юэ, будучи человеком хитрым и осторожным, быстро почуял неладное. Едва паланкин коснулся земли, он рванулся наружу, намереваясь поднять крик и позвать на помощь стражу. Он не верил, что похитители осмелятся среди бела дня поднять руку на императорского посланника.

Однако стоило ему выскочить на улицу, как он нос к носу столкнулся с преградившим ему путь мужчиной. Разглядев лицо незнакомца, Сяо Юэ побелел от ужаса.

— Ты?! Но как... как ты здесь оказался?

Мужчина, облачённый в глухой дорожный наряд, лишь снисходительно усмехнулся:

— А кого вы ожидали здесь увидеть, господин Сяо? Ну полно, вам и без меня прекрасно известно, кто желает с вами побеседовать. Прошу внутрь, не заставляйте хозяина ждать.

Он даже не прикоснулся к пленнику — лишь вежливо отступил в сторону, освобождая проход во двор.

Сяо Юэ горько усмехнулся про себя. Он понимал, что угодил в глухую ловушку, из которой нет выхода. Сопротивление было бессмысленно, и, смирившись с неизбежным, он медленно зашагал к дверям.

<http://bllate.org/book/18189/1761126>